

УДК 316

DOI: 10.18287/2782-2966-2021-1-2-98-110

Научная статья
Scientific articleДата: поступления статьи: 19.04.2021
после рецензирования: 14.06.2021
принятия статьи: 25.06.2021**А.Г. Арсеенко**Институт социологии Национальной
академии наук Украины, г. Киев, Украина
E-mail: anatoliy.arseenko@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3137-6487>

Трансформация занятости в условиях цифрового капитализма: мифы и реалии социальных последствий дигитализации глобальной экономики

Аннотация: статья посвящается изучению социальных последствий трансформации занятости в мире капитала в условиях современной экспансии глобального капитализма и цифровизации глобальной экономики. Особое внимание уделяется доказательству несостоятельности нынешней мифологизации цифровой экономики с целью прикрытия антирабочей направленности различных форм нестандартной и неформальной занятости, которая получила широкое распространение во всех трех мирах современной мир-системы в рамках цифрового капитализма. В центре анализа влияния цифровой экономики на социально-экономическое положение трудящихся находится цифровизация сферы труда и социально-трудовых отношений в США, которые служат образцом для подражания во всем мире, особенно в экономически развитых странах глобального Севера. Цифровизация труда в странах «золотого миллиарда» планеты, как и в странах «третьего» мира и с «переходной» экономикой, вместо обещанного уменьшения противоречий между трудом и капиталом, привела их к еще большему обострению и породила новый вид социального неравенства – цифровое неравенство – как внутри всех стран, так и между ними. Автор делает вывод о значительном усилении эксплуатации труда в результате цифровой революции и необходимости поиска и внедрения новых форм мироустройства под лозунгом социального движения альтерглобалистов «Люди выше прибыли!».

Ключевые слова: цифровизация, трансформация, цифровая экономика, цифровой капитализм, стандартная занятость, нестандартная занятость, гиг-экономика, платформы, эксплуатация труда, пандемия Covid-19, мифология.

Цитирование: Арсеенко А.Г. Трансформация занятости в условиях цифрового капитализма: мифы и реалии социальных последствий дигитализации глобальной экономики // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2021. Т. 1, № 2. С. 98–110. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2021-1-2-98-110>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Арсеенко А.Г., 2021 – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, ведущий научный сотрудник отдела экономической социологии Института социологии Национальной академии наук Украины, 01021, Украина, г. Киев, ул. Шовковична, 12.

A.G. ArseienkoInstitute of Sociology of the National Academy
of Sciences of Ukraine, Kiev, Ukraine
E-mail: anatoliy.arseenko@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3137-6487>

Employment transformation in digital capitalism: myths and realities of the social consequences of the global economy digitalization

Abstract: the article is devoted to the study of the social consequences of the employment transformation in the world of “capital” in the context of the modern expansion of global capitalism and the digitalization of the global economy. Particular attention is paid to proving the inconsistency of the current mythologization of the digital economy in order to cover up the anti-labor orientation of various forms of non-standard, informal employment, which has become widespread in all three worlds of the modern world-system within the framework of digital capitalism. At the center of the analysis of the digital economy impact on the workers’ socio-economic situation is the digitalization of the world of work and social and labor relations in the United States, that serve as a role model throughout the world, especially in the economically developed countries

of the global North. The digitalization of labor in the Golden Billion countries, as well as in the Third World countries with a transition economy instead of the promised reduction of the contradictions between labor and capital led them to an even greater exacerbation and gave rise to a new type of social inequality – digital inequality – both inside all countries and between them. The author concludes that there has been a significant increase in the labor exploitation intensification as a result of the digital revolution and the need to search for and introduce new forms of world order under the slogan of the alterglobalists' social movement – “People are higher than profits”.

Key words: digitalization, transformation, digital economy, digital capitalism, standard employment, precarious work, gig economy, platforms, labor exploitation, Covid-19 pandemic, mythology.

Citation: Arseienko, A.G. (2021), Employment transformation in digital capitalism: myths and realities of the social consequences of the global economy digitalization, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 1, no. 2, pp. 98–110, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2021-1-2-98-110>.

Conflict of interest information: the author declares no conflict of interest.

© Arseienko A.G., 2021 – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Leading Researcher of the Department of Economic Sociology of the Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Ukraine, 12, Shovkovichna St., Kiev, 01021, Ukraine.

Введение

На исходе XX века в штаб-квартирах стран «золотого миллиарда» планеты преобладали оптимистические настроения, вызванные разрушением мировой социалистической системы во главе с СССР и снятием главного барьера на пути к планетарной экспансии капитализма. В то же время волна эйфории захлестнула Соединенные Штаты, которые провозгласили себя страной-победительницей в холодной войне и единственной сверхдержавой. Имперские устремления США к учреждению «американского века» (*Rex Americana*) стимулировались пропагандой выводов американского философа Ф. Фукуямы о поражении всех идеологий, соперничающих с либеральной демократией, якобы представлявшей собой «конечный пункт идеологической эволюции человечества» и «окончательную форму правления в человеческом обществе», т.е. «конец истории» (Фукуяма 2004, с. 7).

В том же ключе формировали общественное мнение популярные социологические концепции посткапиталистического, постэкономического, постиндустриального и других обществ, претендовавшие на преодоление коренных пороков капиталистического строя и устранение издержек «стального» XX века. Все они изобиловали обещаниями повысить уровень жизни трудящихся во всем мире в результате реализации «дивидендов мира». С этой целью обывателям «глобальной деревни» навязывались многие мифы о благотворном влиянии глобализации, которая сравнивалась глобалистами с Мировым океаном, приливные волны которого раньше или позже прибьют все лодки мировой экономики – большие и малые – к берегу счастья.

Однако глобализация является как объективным естественнo-историческим, так и субъективным процессом, который активно используется сильными мира сего для идеологического прикрытия подлинной сущности «нового мирового

порядка» и американизации всего мира. В этом контексте не приходится удивляться несостоятельности и краху надежд трудового народа в Старом и Новом Свете на повышение заработной платы и других условий труда в результате использования «дивидендов мира». Не оправдались и ожидания людей труда на всех континентах на улучшение своего социально-экономического положения в рамках широко рекламируемых новых обществ с приставкой «пост». Тем не менее в массовое общественное сознание продолжает внедряться ложное представление о социально-экономических последствиях компьютеризации, информатизации и цифровизации в стане капитализма.

В интерпретации империалистической пропаганды США и других стран ОЭСР внедрение новейших информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в экономическую практику приведет к трансформации традиционных форм занятости в интересах трудящихся. В действительности это привело к противоположным результатам в сфере труда, что и следовало ожидать. Ибо, как подчеркивает известный британский социолог К. Мэй: «Технологии не существуют независимо от общества, которое их создало. Они являются продуктом этого общества, отражая его характер, обычаи и интересы. Новые технологии создаются в процессе социальных отношений, и хотя они могут иметь влияние на эти отношения, это влияние не обязательно является революционным или способным к значительным социальным преобразованиям. Мало того, влияние технологий не есть непосредственным и автоматическим, оно является предметом социальной договоренности, отражая предшествующие социальные обычаи и практики» (Мей 2004, с. 195). В связи с этим анализ социальных последствий цифровизации глобальной экономики является сегодня крайне актуальным и представляет значительный не только академический, но и практический интерес.

Обзор научных источников по проблематике статьи

В современной зарубежной историографии и исторической социологии имеется множество как апологетических, так и критических научных работ по проблемам трансформации занятости в условиях глобального капитализма во всех трех мирах: первом (страны «ядра»), втором (страны полупериферии) и третьем (страны периферии). Важную роль в исследовании особенностей вхождения стран «третьего мира» и с «переходной» экономикой в глобальное цифровое пространство играет анализ источников, в которых критически рассматривается деятельность международных экономических и финансовых институтов – драйверов «Вашингтонского консенсуса». «Официальная цель этого документа, – пишет австралийский ученый М. Стигер, – заключалась в реформировании внутренних экономических механизмов стран-должников в развивающемся мире... Однако практически условия этой программы расцифровываются как новая форма колониализма» (Steager 2013, p. 57).

Лечение экономик бывших колониальных и социалистических стран по рецептам МВФ оказалось для подавляющего большинства из них, в т.ч. и для Украины, дороже самой болезни и завершилось практически тотальным вытеснением их на обочину глобального капитализма (Арсенко 2019). В рамках проведения политики демократизации, вестернизации и глобализации по-американски новоявленные колонизаторы «прихватизировали» в «новых рыночных демократиях» многие советские достижения НТР, в т.ч. в области ИКТ, а также стимулировали утечку из них «мозговых сливок», в т.ч. высококвалифицированных «ай-тишников», в западные страны.

Особого внимания социологов, занимающихся исследованием последствий цифровизации труда, заслуживают работы, которые раскрывают сущность «цифрового капитализма». В интерпретации американского социолога Д. Шиллера, в течение XX века большой бизнес продвигал свои интересы в качестве старшего партнера в союзе с разнообразными некоммерческими институтами, в т.ч. с университетами, профессиональными обществами, правительственными агентствами и т.д., а на исходе XX века корпорации приступили к прямому поглощению ключевых функций своих союзников в деле социального воспроизводства. «Цифровой капитализм, – отмечает Шиллер, – свободен физически преодолевать территориальные границы и, что более важно, извлекать экономические преимущества из внезапного отсутствия геополитических ограничений на пути его развития» (Schiller 1999, p. 205). Снятие барьеров на пути к экспансии глобального капитализма во главе с США стало возможным вследствие разрушения

мировой системы социализма и вытеснения бывших соцстран на периферию глобального мира. За этим последовал социальный реванш буржуазии, приведший к ухудшению положения людей труда во всем мире вопреки оптимистическим прогнозам адвокатов цифровизации.

По словам заслуженного профессора социологии Кембриджского университета Й. Терборна, в результатах дигитализации экономики в рамках цифрового капитализма отчетливо видно «влияние технологий на ускорение промышленного производства, вылившееся в относительную деиндустриализацию и, как следствие, исчезновение традиционной среды существования рабочего класса» (Терборн 2021, с. 61). В конечном итоге это привело к значительному расширению нестандартных форм занятости (НЗ) в прокрустовом ложе гиг-экономики. Эти проблемы получили наиболее полное и адекватное освещение в критических социологических журналах типа «Critical Sociology», публикациях ООН, Международной организации труда (МОТ) и периодических профсоюзных изданиях.

Методология и методика исследования

Для исследования социальных последствий цифровизации занятости и труда нами был избран системный подход. Это обусловлено тем, что, по словам Н. Срничека и А. Уильямса, «Наши проблемы становятся все более системными и глобальными – и требуют столь же системной реакции» (Срничек 2019, с. 67). В сочетании с критическим историко-социологическим подходом, используемым в цифровой социологии, системный подход расширяет перспективы научного познания этих сложных проблем. Социология как академическая дисциплина, отмечает австралийский социолог Д. Луптон, традиционно играла важную роль в выявлении и комментировании социально-экономических неравенств на рабочем месте и в других социальных сферах. В настоящее время, когда цифровые технологии все больше становятся частью как академического, так и производственного мира, критический подход к анализу социальных последствий цифровизации труда «должен быть неотъемлемым аспектом цифровых социологических исследований» (Lupton 2012, с. 8–9).

В решении этой задачи важно учитывать вывод американского историка М. Кранзберга о том, что технологии не бывают ни хорошими, ни плохими; ни нейтральными. Взаимодействие технологий с социальной экологией таково, что технические разработки часто приводят к экологическим, социальным и человеческим последствиям, которые выходят за рамки непосредственных целей самих технических устройств и методов. Одни и те же технологии, используемые в разных контекстах или в разных обстоятельствах, могут привести к

совершенно разным результатам. Поэтому долг исследователя состоит в том, чтобы сравнивать краткосрочные и долгосрочные результаты применения технологий; утопические надежды с реальными достижениями; что могло бы произойти с тем, что на самом деле произошло; компромиссы между различными «позитивами» и возможными «негативами» на основе исследования того, как технологии взаимодействуют с разными ценностями и институтами, а также со всей социокультурной средой (Kranzberg 1995, с. 5). Попраение названных принципов апологетами цифровизации по-американски привело к культивированию во всем мире мифотворческих работ оптимистов дигитализации, преследующих цель под прикрытием буржуазной риторики о всеобщих выгодах НЗ проложить путь гиг-экономике и капитализму платформ к усилению эксплуатации труда.

Результаты исследования

1. Мифологизация цифровизации глобальной экономики

В преддверии вступления человечества в третье тысячелетие своей истории диффузия инноваций в области ИКТ в мировом экономическом пространстве приняла «взрывной» характер, что способствовало ускорению глобализации и созданию «сетевой экономики». В соединении всех континентов Земли в единую глобальную систему и вовлечении в нее народонаселения всего мира важную роль сыграла Всемирная паутина Интернета, ставшая одной из наиболее весомых инноваций XX века. Накануне 2021 г. число Интернет-пользователей достигло 4 929 926 187 чел. и охватило более половины обитателей мира. В III кв. 2020 г. на долю стран Азии приходилось 51,8 %, Европы – 14,8 %, Африки – 12,8 %, Латинской Америки / Карибского бассейна – 9,5 %, Северной Америки – 6,8 %, Ближнего Востока – 3,7 %, Океании / Австралии – 0,6 % мировой численности лиц, имеющих доступ к Всемирной паутине (Internet Users 2020). Интернет-бум предоставил возможность «капитанам индустрии» в ТНК и «хозяевам денег» в ТНБ перемещать ресурсы и выполнять производственные и финансовые операции мгновенно и одновременно во многих точках планеты.

Превращение Интернета в одного из ведущих драйверов глобализации, который способствовал расширению пространственных и иных элементов мировой экономической системы, активно использовалось приверженцами и собственниками ИКТ для продвижения своих интересов. Они наделили их свойствами и характеристиками ресурса особого рода, якобы доступного всему человечеству и несущего всевозможные блага всем членам мирового сообщества. В соответствии с их утверждениями, цифровизация не знает национальных границ, позитивно влияет на все стороны жизни

общества, в т.ч. и на социально-трудовые отношения в мире капитала. По мнению сторонников внедрения ИКТ в социальную, экономическую и политическую практику, цифровые технологии революционизируют сферу труда и служат потенциальным мостиком для перехода всех стран к строительству нового «инклюзивного» капитализма, якобы способного разрешить мириаду острых социально-экономических проблем в интересах трудового народа.

К оптимистически настроенным исследователям, которые рассматривают социальные последствия цифровой экономики преимущественно в розовом свете через призму созданных ими же мифологем, чаще всего относятся представители научной obsługi капитала, часто меняющие по принципу «вращающихся дверей» университетские кафедры на «коридоры власти» в политических механизмах диктатуры монополий и наоборот. Один из них, видный американский эксперт в области инноваций А. Росс (бывший советник экс-госсекретаря США Х. Клинтон, нынешний старший научный сотрудник университета Джона Гопкинса), завершает свою монографию «Индустрии будущего» эйфорическим выводом: «Инновации и глобализация создают неслыханные до сих пор возможности для большинства из 7,2 миллиарда людей, населяющих нашу планету... Эти изменения означают новые возможности для всех нас – предпринимателей, чиновников, инвесторов, отцов, студентов, детей» (Росс 2017, с. 280). Примерно к такому же многообещающему умозаключению о влиянии цифровизации на все сферы общества приходит и основатель и бессменный президент Всемирного экономического форума в Давосе с полувековым стажем К. Шваб. В своей книге «Четвертая промышленная революция» он отмечает, что «благодаря цифровому присутствию люди получают возможность находить и распространять информацию, свободно выражать идеи, искать и быть объектом поиска, а также развивать и поддерживать общение практически во всех уголках мира» (Шваб 2019, с. 103).

Однако, как следует из приведенных выше статистических данных, почти половина нынешнего населения Земли не имеет доступа к Интернету и не входит в число людей, которые благодаря своему цифровому присутствию имеют возможность находить и распространять информацию и т.д. К этому необходимо добавить, что новое цифровое неравенство имеет место не только в развивающихся странах Азии, Африки и Латинской Америки, но и в экономически развитых странах Старого и Нового Света. Так, например, цифровое «включение» не распространяется на 80 млн. европейцев, которые никогда не пользовались Интернетом потому, что у них нет компьютеров, или потому, что это стоит слишком дорого (Digital

inclusion 2021). Вопреки насаждению пропагандистских стереотипов о якобы благотворном влиянии ИКТ на все сферы труда, цифровая экономика не привела к повышению социальной мобильности пролетариата и улучшению положения трудового народа в мире капитала. Наоборот, к разного вида неравенствам во всех странах она прибавила новое цифровое неравенство. В наши дни «имеется широко распространенное доказательство наличия широкой 'цифровой пропасти', разъединяющей страны глобального Севера и Юга» (Steager 2013, p. 115), а также внутри названных богатых и бедных стран.

Научный анализ цифровизации в сфере труда не оставляет сомнения в том, что «цифровая экономика» во всех трех мирах не стала основой обещанного нового «цифрового общества». Как и «информационная экономика» ранее, она оказалась старым вином в новых мехах. Ибо ни первая, ни вторая не внесла ничего принципиально нового в социально-трудовые отношения и вынудила большинство народов еще туже затянуть пояса даже в странах «золотого миллиарда» планеты. Это закономерное следствие трансформации труда в мире капитала, где «соотношение выгод и издержек становится все более благоприятным для замещения труда машинами» (Аткинсон 2018, с. 210). В этом контексте нельзя не согласиться с выводом британского футуролога Р. Уотсона: «История начала XXI века – это история машин. Они – не люди – вызывают уважение и почтение, хотя вроде бы все должно быть наоборот» (Уотсон 2020, с. 23). Все это дает основание предполагать, что к социальной власти в мире капитала со временем могут прийти владельцы роботов, если люди доброй воли не остановят их, что может привести к непредсказуемым последствиям для дальнейшей судьбы человечества.

Несмотря на то, что бравурная риторика адептов цифровизации не имеет ничего общего с действительностью, последние продолжают «промывание мозгов» в заданном направлении, создавая гламурные виртуальные образы грядущей цифровой эпохи. Например, авторы книги «Машина, платформа, толпа. Наше цифровое будущее» Э. Макафи и Э. Бриньолфсон пишут: «В нашем распоряжении оказались более мощные технологии, чем имелись когда-либо ранее. Ничего подобного не было ни у отдельных людей, ни у общества в целом. Это означает, что сейчас у нас есть больше возможностей изменить мир, чем было прежде. По сути, теперь нам по силам сделать то, чего не смогли предыдущие поколения» (Макафи 2019, с. 278). В реализации этой задачи названные исследователи полагаются на «гениальность системы свободного рынка», которая завела мир в исторический тупик и целиком и полностью дискредитировала себя в ходе первого в истории

человечества глобального финансового и экономического кризиса 2008–2009 гг., ставшего «репликой» Великой депрессии 1929–1933 гг. на пороге XXI века (Арсеенко 2021, с. 29).

Справедливости ради надо отметить, что оптимистические прогнозы «нашего цифрового будущего» не разделяют многие авторитетные исследователи социальных последствий цифровизации даже в ядре мировой дигитализации – США. Так, известный американский экономист, лауреат Нобелевской премии по экономике, профессор Колумбийского университета Д. Стиглиц (в прошлом – председатель Совета экономических консультантов при президенте США и старший вице-президент и шеф-экономист Всемирного банка) справедливо отмечает: «Технический прогресс должен быть благом. Он должен расширять для всех доступ к основным элементам достойной жизни. В то же время этот прогресс может привести и, похоже, действительно приведет к обнищанию широких слоев населения, если не предпринять активных коллективных действий» (Стиглиц 2020, с. 183). Для подтверждения этого вывода целесообразно обратиться к соответствующим фактам, свидетельствующим о несостоятельности оптимистических оценок цифровизации занятости в условиях глобального капитализма.

2. Метаморфозы занятости в условиях цифрового капитализма

На изломе веков социально-трудовые отношения подверглись существенным трансформациям в мире капитала в результате перехода экономики от кейнсианско-фордистской к неолиберальной модели развития; разрушения мировой социалистической системы и развертывания социального реванша буржуазии. Классовая сущность последнего состояла в деконструкции брэнда «капитализм с человеческим лицом» и усилении эксплуатации наемной рабочей силы. В этом контексте известный американский политолог М. Паренти отмечает: «Свержение коммунизма дало зеленый свет западным корпорациям с их неограниченной жадной эксплуатацией. Им больше не нужно убеждать своих рабочих в том, что они живут лучше, чем их братья в России, они больше не чувствуют необходимость держаться в определенных рамках из-за присутствия соперничающей системы. Поэтому капиталистический класс теперь отбирает многие победы рабочих Запада, завоеванные многолетней борьбой» (Паренти 2002).

Суть рабочей политики в странах ОЭСР после возведения неолиберализма в ранг государственной политики состояла в «закручивании гаек» во всех трудовых организациях под предлогом повышения конкурентоспособности экономики в условиях глобализации. Для достижения этой цели в рамках перехода от фордизма к постфордизму широко использовались мероприятия по

совершенствованию экономики, направленные на обеспечение смены массового стандартного производства новыми гибкими формам занятости и работы с учетом требований производства «точно в срок», глобализации наемного труда и изменения предпочтений потребителей. Это вылилось в уменьшение доли стандартной занятости, свойственной социальной организации труда в индустриальном XX в., и увеличение нестандартной занятости. Важным бустером в данном процессе была передислокация многих предприятий обрабатывающей промышленности из развитых стран в развивающиеся и «переходные» страны, которая способствовала позитивной деиндустриализации первых и негативной деиндустриализации вторых, становлению инновационной модели развития в первых и маргинальной – во вторых (Alderson 2011, p. 1380).

Реформирование экономики на постсоциалистическом и постколониальном пространстве сводилось к имплементации императивных предписаний МВФ, насаждению рыночного фундаментализма и тупикового «догоняющего развития». Вместо обещанного повышения эффективности производства в развивающихся и «транзитных» странах произошла деиндустриализация и примитивизация экономик, значительно ухудшилось положение трудящихся. В конечном счете они превратились в сырьевые придатки стран «золотого миллиарда» планеты и поставщиков дешевой рабочей силы по принципу «где возьмут». За этим последовало устранение их с геоэкономической карты мира в качестве потенциальных конкурентов стран «ядра» капитализма. Однако падение зарплаты и других условий труда имело место не только на периферии мир-системы, а во всем мире, что в большой степени было обусловлено экспансией цифрового капитализма и поляризацией СЗ и НЗ.

В современной социологии труда стандартная занятость определяется как работа, выполняемая в рамках фиксированного графика обычно в течение полного рабочего дня по месту нахождения бизнеса работодателя под его контролем и при взаимном ожидании продолжения занятости в обмен на денежную компенсацию (Kalleberg 2000, p. 258). Все иные формы занятости, которые не соответствуют этим критериям, относятся к нестандартной занятости. По мнению американских ученых, различным типам альтернативных условий работы присущи три аспекта гибкости: (а) гибкость в трудовых отношениях, (б) гибкость в графике работы и (в) гибкость в том, где выполняется работа. Научное исследование данных измерений гибкости позволяет определить, создана ли та или иная трудовая организация: 1) для снижения затрат на рабочую силу; 2) для повышения маневренности в управлении трудовой жизнью, к

которой стремятся работники; 3) для комбинации интересов работодателей и работников (Spreitzer 2017, p. 474). В погоне за прибылями на глобальном рынке кормчие цифрового капитализма максимально используют сегодня возможности гибкости НЗ для снижения затрат на рабочую силу, а не для повышения ее всеобщего благоденствия.

Как подчеркивают британские социологи Н. Срничек и А. Уильямс, «золотой век капитализма», как именуют «славное послевоенное тридцатилетие» в США, «стоял на производственной парадигме правильно организованных заводских условий, где рабочие (белые мужчины) получали страховку и базовый уровень благосостояния в обмен на пожизненный отупляющий труд и социальное угнетение» (Срничек 2019, с. 71). С утверждением постулатов «рейганизма» и «тэтчеризма» канули в Лету надежды на пожизненный труд, гарантирующий регулярный доход и обещающий в перспективе реализовать «американскую мечту» (принадлежать к «среднему классу», иметь свой дом, автомашину и другие товары длительного пользования, скопить достаточно денег на обучение детей, на «черный день», на старость и т.д.).

Глобальный финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. развеял эти иллюзии. В начале XXI в. западный мир, по признанию заслуженного профессора политических наук Кебриджского университета Э. Гэмбла, вместо «конца истории» втянулся в «кризис без конца», ведущий к «краху западного процветания» (Гэмбл 2018). По мнению критиков апологетов «инклюзивного капитализма», это сводит на нет возможности обновления старого строя. То же относится к характеристике ими гиг-экономики, которая способствует «вымыванию» хороших рабочих мест, упразднению множества рутинных профессий, росту нестандартных, неформальных, неприемлемых форм труда. В наше время в ней все шире используются «альтернативные формы занятости», к которым относятся: 1) работники агентств временной помощи; 2) работники по вызову; 3) работники подрядных компаний; 4) независимые подрядчики / фрилансеры; 5) работники по трудовым договорам «с нулевым результатом»; 6) работники платформ. Однако разнообразие гибкой занятости в гиг-экономике отнюдь не влечет за собой улучшения условий и освобождения труда от «перемальвания» в жерновах «сатанинской мельницы капитализма», по выражению К. Поланьи.

Гибкая система занятости не стала и не могла стать обещанной панацеей в решении старых и новых социальных проблем современного капитализма. Как известно, К. Маркс в свое время обратил внимание на освободительный потенциал чередования различных видов деятельности и гибкого труда в условиях коммунистического общества. Справедливости ради необходимо от-

метить, что на первоначальном этапе трансформации занятости западные рабочие поддержали внедрение гибких форм труда ради освобождения от потогонной фордистской системы производства, породившей в 1970-е гг. протестное движение «неолуддитов XX века» в США. «Столкнувшись с этим стремлением к гибкости, капитал адаптировал и кооптировал его в новые формы эксплуатации. Сегодня гибкий труд предстает в форме неустойчивой занятости, нестабильности, а вовсе не свободы» (Срничек 2019, с. 176).

Американский вариант использования гибкого труда в целях обогащения его работодателей служит примером для капиталистических элит во всем мире «не только в отношении власти на производстве», но и «такого же высокого и непрерывно растущего уровня неравенства, как в США, обусловленного экстремально высокими доходами самой богатой части населения и низким уровнем распределительного налогообложения» (Крауч 2016, с. 184). Поэтому сегодня постоянная занятость становится уделом прошлого, а случайная – прообразом будущего в планетарном масштабе. Для обозначения последней в научный оборот вводится новый термин «precarity» («ненадежность»), которым характеризуется негарантированная занятость т.н. «прекариата», вынужденного соглашаться на любую работу на условиях минимальной профессиональной или социальной защиты или вообще без первой и второй. Концепция «прекариати» относится не только к экономически незащищенным рабочим или к плохим условиям занятости, но и к мигрантам и нелегальным иммигрантам, к людям иного цвета кожи или попавшим в зависящие от непредвиденных обстоятельств условия (Castelein 2012, p. 2239).

Процесс «прекариатизации» начался в период фордизма и расширился в 1960–1970-е гг. с переходом от конвейерных технологий к концепции гибкого производства с негативными последствиями для рабочего класса. В начале 1970-х гг. корпорации отказались от выплаты высокой зарплаты и контактов с сильными профсоюзами в крупных промцентрах. Вместо этого они перевели производство в слаборазвитые страны, свободные от профсоюзов, где можно было платить низкую зарплату. Кроме того, многие корпорации сократили свое производство и передали его сторонним организациям, чтобы снизить расходы и повысить прибыли (Гартман 2015, с. 29).

Переход к гибкому производству сопровождался повышением гибкости рабочей силы, которая включает в себя гибкость рабочего времени, гибкость в местонахождении работы, гибкость в численности рабочих в пределах рабочей силы фирмы, гибкость в уровне квалификации и умения работников. С момента перехода к постфордизму практика гибкого производства находится в цен-

тре социологического дискурса. Сторонники этой концепции отмечают позитивное влияние гибкости рабочей силы на повышение конкурентоспособности хозяйственных субъектов на глобальном рынке, противники, признавая ее некоторые плюсы для обеих сторон, указывают на чрезмерную эксплуатацию гибкой рабочей силы и лишение ее многих выгод, доступных постоянной рабочей силе (Lillevik 2009, p. 682). Это обусловлено категорическим отказом боссов гиг-экономики признавать работающих на них людей труда своими сотрудниками под предлогом, что они якобы являются «самозанятыми», «независимыми работниками», «свободными подрядчиками», «фрилансерами» и т.д., что возлагает на них все обязанности, но не дает никаких прав и лишает элементарной социальной защиты. По словам известного британского социолога, заслуженного профессора Уорикского университета К. Крауча, гиг-занятость отвечает интересам работодателей, т.к. «работники полностью находятся во власти фирмы, но она не несет за них ни малейшей ответственности» (Крауч 2020, с. 16).

3. Современная занятость в гиг-экономике как она есть

Хозяйская власть гигантских цифровых монополий всячески рекламирует выгоды «независимого труда» в гиг-экономике, профсоюзные репортеры все чаще называют их «вампирами, высасывающими из рабочих все соки». Для этого у них есть все основания, о чем свидетельствует исследование оплаты труда водителей чикагских платформ Uber, Lyft и Via, выполненное в 2019–2020 гг. неприбыльным Иллинойским институтом экономической политики. В 2019 г. минимальная зарплата в Чикаго была 13 долл. в час, а средний водитель после уплаты налогов и других вычетов получал 12,30 долл. в час. В 2020 г. это соотношение составило 14 долл. и 13,62 долл. в час (Ongweso 2021). При нынешнем росте дороговизны в США такие заработки в сфере «независимого» гибкого труда неизбежно выталкивают их получателей в ряды новой категории занятых – «работающих бедных».

Чтобы оплатить расходы по аренде или содержанию своего автомобиля и выбраться из нищеты, чикагским водителям Uber, как и их коллегам в других странах, приходится работать на износ, проводя иногда по 14-16 часов за рулем в условиях «триумфального» шествия постиндустриального общества по планете. Как известно, 1 мая 1886 г. в индустриальном сердце Америки – Чикаго – в рамках забастовки промышленного пролетариата состоялась массовая демонстрация людей труда в поддержку требования о сокращении продолжительности рабочего дня под лозунгом: «8 часов – работе, 8 часов – семье, друзьям и хобби, 8 часов – сну». Это требование было ре-

ализовано международным рабочим движением в XX индустриальном столетии, но ликвидировано сильными мира сего в XXI «постиндустриальном» веке.

В дополнение к низким зарплатам и длинным рабочим дням другие условия труда в платформенных компаниях типа Uber настолько неприемлемы для большинства «независимых работников», что они покидают их при первой возможности. Кто такие «независимые работники»? Это обозначение гипотетической категории трудящихся, предложенное гиг-адвокатами, чтобы сохранить или закрепить в трудовом или антимонопольном законодательстве многие лазейки, которые широко используются компаниями сегодня в своих интересах. При этом они предоставляют работникам минимальные права (например, право на ведение коллективных переговоров без обсуждения вопросов о минимальной зарплате). Это бросает вызов системе коллективно-договорного регулирования трудовых отношений и является глумлением над здравым смыслом. По последними доступным данным о «текучести кадров» в Uber, в течение 2017 г. более 95 % водителей уволились с работы в этой компании (Ongweso 2021). В данном случае комментарии излишни, ибо, как известно и как говорят в народе, от счастья счастья не ищут.

Несмотря на все издержки цифровизации, платформы во всем мире растут как грибы после дождя, ибо они приносят наибольшую прибыль магнатам цифрового бизнеса за счет жестокой эксплуатации труда. По оценкам МОТ, количество платформ увеличилось с 142 в 2010 г. до почти 800 в 2020 г., при этом количество онлайн-платформ выросло втрое, а основанных на привязке к определенному местоположению платформ – почти в десять раз (Ghosh 2021). Переход на работу в удаленном режиме, вызванный локдаунами в связи с экспансией чумы XXI века – Covid-19, по мнению многих экспертов, приведет как к росту количества цифровых платформ, так и к повышению интенсивности их использования в различных сферах занятости.

«Фирмы-платформы утверждают, – пишет Крауч, – что их исполнители якобы являются самостоятельными предпринимателями. На самом деле эти люди не более чем шестеренки огромной, стремящейся к максимизации прибыли машины» (Крауч 2020, с. 132). Разочарование в гиг-занятости в рабочей среде вынуждает работодателей тратить огромные средства на лоббирование своих интересов в Конгрессе США и на пропаганду мнимых преимуществ «свободного» труда в СМИ. В результате гибкая работа все еще остается «привлекательной идеей», но она все больше используется как «прикрытие эксплуатации» (Ferris 2020).

В результате внедрения НЗ в гиг-экономику выигравшими оказываются ее собственники, проигравшими – трудящиеся, вынужденные согла-

шаться на нефеодалные условия труда ради своего выживания и обеспечения своих семей. Кроме того, что гиг-занятость не дает им даже минимальной оплаты труда, она же лишает «независимых работников» большинства социальных гарантий и других благ, положенных их братьям по классу в рядах СЗ. По сравнению с ними гиг-работники подвергаются все большей эксплуатации и все чаще становятся жертвами травматизма на рабочих местах.

В 2020 г. он-лайн-продажи мирового гиганта розничной торговли Amazon устремились вверх и в условиях роста спроса на покупки онлайн вследствие пандемии выросли на 39 %. В том же году состояние генерального директора Amazon Д. Безоса составило 200 млрд. долл., а складские рабочие Amazon, по федеральным данным, более 24000 раз получали тяжелые травмы. На основании отчета Amazon о травматизме с 2017 г. по 2020 г. было установлено, что эта компания значительно опережает своих крупнейших конкурентов по травмированию на рабочих местах, включая Walmart и UPS. В 2020 г. общий уровень травматизма в Amazon составил 6,5 сотрудников из 100, что было вдвое больше, чем в Walmart (3 из 100). При этом складские работники Amazon получали тяжелые травмы в два с лишним – полтора раза чаще, чем в Walmart. Это печальная статистика является результатом множества повторяющихся тяжелых движений, которые выполняются ими тысячи раз в быстром темпе в течение всей смены. Еще больше и чаще травмируются водители службы доставки, вынужденные развозить клиентам Amazon до 400 посылок в день в крайне жестких условиях. Чтобы выполнить установленные квоты и не выбиться из изнурительных графиков, водителям регулярно даются инструкции по демонтажу систем безопасности, пропуску оплачиваемых перерывов и использованию бутылок /пакетов для испускания мочи. Уровень травматизма и тяжелого травматизма водителей в Amazon выше, чем в компании UPS – их главном конкуренте (Gurley 2021).

На днях американский веб-сайт «Корпоративная ответственность» обратился к своим подписчикам, в т.ч. к автору этих строк, с просьбой поддержать предложение рабочих Amazon о вынесении названия этой компании на всеобщее обозрение в Корпоративном зале позора. В обращении рабочих по этому поводу приводятся примеры чудовищных условий труда и жестокого обращения с ними на рабочих местах. Так, в разгар «ковидной» пандемии Amazon лишила работников оплаты за работу в опасных условиях. В то же время генеральный директор компании Безос добавил миллиарды долларов в свое личное состояние. В ответ на попытки создать тред-юнион складских рабочих Amazon развернула массиво-

ванную антипрофсоюзную кампанию. После того, как тысячи рабочих подписали карточки об авторизации профсоюза, Amazon наняла антипрофсоюзных консультантов, которым платила тысячи долларов в день за то, чтобы они ежедневно тащили рабочих на собрания, чтобы отговорить их от поддержки профсоюза. Администрация Amazon разместила антипрофсоюзные призывы даже в туалетных комнатах, наводнила Интернет, радиоволны и социальные сети дезинформационной рекламой, отправила поток писем и сделала тысячи звонков в дома рабочих, призывая их голосовать «против». По словам инициаторов размещения имени Amazon в Корпоративном зале позора, их боссы использовали страх и запугивание, чтобы разрушить профсоюз, потому что они знают, что, когда рабочие объединяются, они получают возможность осуществить реальные изменения на своих рабочих местах.

Интенсификация «независимого» труда, наряду с трансформацией занятости, достигли апогея в капиталистическом мире в условиях пандемии Covid-19. «Недавние события со всей очевидностью показали, что гиг-работники – это подопытные кролики нового мира труда и что некоторые аспекты этой парадигмы могут стать мейнстримом раньше, чем ожидалось... Крупнейший в мире эксперимент по работе на дому, который называется Covid-19, может ускорить переход к новой эре работающих только удаленно компаний» (Bérastégui 2021), – пишет исследователь Европейского института тред-юнионов П. Берастеги. Однако «ковидизация» труда не помешала крупнейшим американским цифровым корпорациям Apple, Microsoft, Amazon, Alphabet и Facebook довести свою суммарную рыночную стоимость до 7,3 трлн. долл. и стать бенефициарами обогащения в США в условиях пандемии. Показательно, что ни одна из них не позволяет организацию профсоюзов в своих владениях, а все вместе они служат примером для многих меньших технологических компаний в борьбе против юнионизации работников (Nolan 2020). Дерегулирование труда симбиозом американского государства и монополий в рамках неолиберальной доктрины «свободного предпринимательства», основанной на принципе «пусть они делают, что хотят», привело к тому, что в настоящее время в США только один из десяти работников является членом профсоюза.

Опросы общественного мнения в США социологическими службами Knight Foundation и Gallup в 2020 г. свидетельствуют о разочаровании американцев в последствиях цифровой революции. Они считают, что крупные интернет-компании: делают больше для разделения общества (60 %), чем для его объединения (11 %); позволяют влиятельным интересам контролировать общество (48 %), а не давать людям возможность изменить его (19 %);

восхваляют непопулярные мнения (52 %), а не делают их менее заметными (17 %); создают больше проблем, чем решают (47 %), а не решают больше проблем, чем создают (15 %). 77% американцев заявили, что Facebook, Google, Amazon и Apple обладают слишком большой властью (Techlash 2020).

В другом социологическом исследовании «Неравная Америка: десять взглядов на состояние экономических возможностей», проведенном консалтинговым агентством по корпоративной стратегии McKinsey в 2021 г., отмечается, что 62 % опрошенных гиг-работников заявили, что они предпочли бы работать постоянными сотрудниками. Это желание было наиболее высоким среди иммигрантов в первом поколении (76 %), латиноамериканцев (72 %), американцев азиатского происхождения (71 %) и чернокожих (68 %) респондентов. Временные работники чаще других респондентов говорили, что их доход за последние 12 месяцев снизился. Гиг-работники также почти в два раза чаще других заявляли, что не могут позволить себе медицинскую страховку (22 % по сравнению с 13 % для всех), и ссылались на недоступность получения медицинских услуг по приемлемым ценам как на препятствия на пути к их благополучию (Unequal America 2121).

Имеющиеся прогнозы о повышении спроса на «нестандартных работников» после пандемии Covid-19 дают основания полагать, что «новая экономика», взятая на вооружение неолибералами во всем мире, приведет к новому витку в эскалации НЗ, новому обогащению глобальной плутократии и новому расширению пропасти между богатыми и бедными по примеру и подобию корпоративной элиты США. Стагнация роста заработной платы и повышение корпоративных прибылей привели к росту двух форм неравенства: в доходах (доля доходов топ-домохозяйств стабильно возрастает) и в богатстве (чистая стоимость высших 5 % домохозяйств увеличилась на 186 % с 1983 по 2016 г.) в основном за счет прироста капитала. Несмотря на то, что, по данным социологической службы Гэллага, 55 % домохозяйств в США владели акциями в 2020 г., именно очень богатые контролируют почти все эти активы. В четвертом квартале 2019 г. высшему 1 % сверхбогачей принадлежало 88,1 % этих активов (Wealth gap grows 2020).

Сосредоточив в своих руках огромную экономическую и политическую власть, глобальные «хозяева денег» широко используют финансовую эксплуатацию экономики, т.е. подчинение промышленного производства интересам магнатов финансового капитала, в целях личного обогащения. В условиях пандемии 500 богатейших людей мира стали богаче на 1,8 триллиона долларов США и таким образом довели свое суммарное богатство до 7,6 триллиона долларов США. Полученная ими прибавка к ранее накопленному богатству составила в

целом 31 % в 2020 г. и равнялась суммарным заработкам 165 миллионов американцев за всю трудовую жизнь. Финансовый передел мира, затеянный воротилами финансового бизнеса в условиях коронавирусной пандемии и экономического кризиса, по данным ООН, отправит в ряды крайней бедности дополнительно 207 млн. чел. и к 2030 году доведет численность обитателей Земли, живущих в крайней бедности, до одного миллиарда человек (Conley 2021).

В авангарде глобального похода богачей и сверхбогачей за новый передел доходов и богатства в XXI в. в своей собственной стране и во всем мире идут США. Девять из десяти самых богатых людей на Земле обитают сегодня в Соединенных Штатах, они владеют более чем 1,5 триллиона долларов США. Первое место среди них занимает основатель корпорации «Амазон» Безос, прибавивший к своему богатству 75 млрд. долл. в прошлом году благодаря бурному росту торговли «он-лайн» в условиях пандемии. В то же время более половины взрослых американцев жили в домохозяйствах, потерявших доход в результате пандемии, 26 млн. граждан США испытывали недостаток продовольствия и овощей/фруктов в ноябре 2020 г., 12 млн. арендаторов жилья имели задолженность по его оплате на уровне около 6000 долл. (Conley 2021). Сочетание колоссального неравенства, чрезмерного богатства и крайней бедности стало непреодолимой преградой на пути к выходу мирового сообщества из глубокого социального кризиса, в котором оно оказалось в результате безудержного стремления капитала к удовлетворению своей неуемной жажды наживы, и может стать тем «социальным динамитом», который взорвет мир эксплуатации и отчуждения труда.

Выводы

Характеризуя современное положение мирового рабочего класса, К. Хеджес, иностранный корреспондент *The New York Times* и других американских газет с 20-летним стажем работы за рубежом, в своей недавней публикации «Умирая за iPhone» совершенно справедливо сделал следующий вывод: «Глобальные капиталисты повернули время вспять, к началу промышленной революции. Рабочий класс все больше лишается прав, не может создавать профсоюзы, получает нищенскую заработную плату или вообще не получает ее вследствие воровства, находится под постоянным надзором, увольняется с работы за незначительные нарушения, подвергается воздействию опасных канцерогенов, вынужден работать сверхурочно, наказывается штрафными квотами. Трудящиеся бросаются на произвол судьбы, когда становятся больными и старыми. Рабочие здесь и за границей стали одноразовыми винтиками для

корпоративных олигархов, которые погрязли в непристойном личном богатстве, затмевающим худшие излишества Баронов-Грабителей» (Hedges 2021). С этим заключением автора нельзя не согласиться.

В действительности цифровая экономика не стала и не могла стать Великим Уравнителем, обещанным западными мифотворцами, а наоборот, привела к еще большему расширению неравенства и в богатых, и в бедных странах за счет беспрецедентного усиления депривации и эксплуатации наемной рабочей силы в XXI в. С одной стороны, цифровая революция открыла огромные возможности для качественной трансформации занятости и жизни людей труда, с другой – политический механизм диктатуры монополий сделал ставку на использование ИКТ в интересах обогащения воротил цифрового бизнеса посредством экономии расходов на оплату и улучшение других условий труда «независимых работников» в гиг-экономике.

В этих условиях обязанность интеллектуалов, выражаясь словами видного американского социолога, философа и историка - международного, заслуженного профессора Массачусетского технологического института Н. Хомски, состоит именно в том, чтобы «говорить правду и разоблачать ложь». Правда же заключается в том, что решить проблемы современного пролетариата, прекариата и кибертариата в условиях неолиберальной капиталистической парадигмы, которая завела человечество в исторический тупик и полностью дискредитировала себя, невозможно. Как невозможно построить и будущий «инклюзивный» капитализм руками тех, кто построил нынешний «эксклюзивный» капитализм. Исходя из этого, историческим императивом нашего времени является переход к новому мироустройству, способному претворить в жизнь лозунг нового всемирного социального движения альтерглобалистов «Люди выше прибылей!».

Библиографический список

Арсеенко А.Г. Современный кризис глобального капитализма. Киев: ООО «Друкарня Бізнес-поліграф», 2021. 75 с.

Арсеенко А., Буткалюк В. Реформы под эгидой МВФ в Украине: бойтесь данайцев, дары приносящих // Социология: теория, методы, маркетинг. 2019. № 2. С. 169–186.

Аткинсон Э.Б. Неравенство: как с ним быть? / пер. с англ. О. Левченко; под науч. ред. М. Добряковой. Москва: Издательский дом «Дело» РАНХ и ГС, 2018. 536 с.

Гартман Д. Постмодернизм или логика культуры постфордизма // Постфордизм: концепции, институты, практики / под ред. М.С. Ильченко,

В.С. Мартынова. Москва: Политическая энциклопедия, 2015. С. 18–51.

Гэмбл Э. Кризис без конца? Крах западного процветания / пер. с англ. А. Гуськова; под науч. ред. Я. Охонько. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. 304 с.

Крауч К. Как сделать капитализм приемлемым для общества / пер. с англ. Ю. Каптуревского, под науч. ред. А. Смирнова. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 288 с.

Крауч К. Победит ли гиг-экономика? / пер. с англ. Ю. Каптуревского; под науч. ред. С. Щукиной. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 144 с.

Мей К. Інформаційне суспільство. Скептичний погляд / пер. з англійської. Київ: «К.І.С.», 2004. XIV+220 с.

Паренти М. Левый антикоммунизм. URL: <http://www.left.ru/2002/leto/parenti.html> (дата обращения 5.05.2021).

Росс А. Індустрія майбутнього / пер. з англ. Наталія Кошманенко. Київ: Наш формат, 2017. 320 с.

Срничек Н., Уильямс А. Изобретая будущее: посткапитализм и мир без труда / пер. с англ. Москва: Strelka Press, 2019. 336 с.

Стиглиц Д. Люди, власть и прибыль: Прогрессивный капитализм в эпоху массового недовольства / пер. с англ. Москва: Альпина Паблшер, 2020.

Терборн Й. От марксизма к постмарксизму? / пер. с англ. Н. Афанасова; науч. ред. и предисл. А. Павлова. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 256 с.

Шваб К. Четверта промислова революція. Формуючи четверту промислову революцію / пер. з англ. Наталії Климчук, Ярослава Лебеденка. Харків: Клуб сімейного дозвілля, 2019. 416 с.

Уотсон Р. Технологии против Человека: как мы будем жить, любить и думать в следующие 50 лет? / пер. с англ. Л.И. Степановой. Київ: Форс Україна, 2020. 320 с.

Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / пер. с англ. М.Б. Левина. Москва: ООО «Издательство АСТ: ЗАО НПП «Ермак», 2004.

Alderson, A.S. (2011), *Deindustrialization*, *International Encyclopedia of Economic Sociology*, Eds. J. Beckert, M. Zafirovski, L.; N.Y., Routledge, pp. 138–140.

Kallas, P. (2021), *Top 15 Most Popular Social Networking Sites and Apps*, [online], available at: <https://www.dreamgrow.com/top-15-most-popular-social-networking-sites/> (accessed 22 feb 2021).

Kucher, K., Martins, R.M., Paradis, C. et al. (2020), StanceVis Prime: visual analysis of sentiment and stance in social media texts, *Journal of Visualization*, vol. 23, pp. 1015–1034, DOI: <https://doi.org/10.1007/s12650-020-00684-5>.

Bérastégui, P. (2021), *Gig workers: guinea pigs of the new world of work*, [online], available at: <https://www.socialeurope.eu/gig-workers-guinea-pigs-of-the-new-world-of-work> (accessed 26 February 2021).

www.socialeurope.eu/gig-workers-guinea-pigs-of-the-new-world-of-work (accessed 26 February 2021).

Castelein, T.L. (2012), Precarity, *The Wiley-Blackwell Encyclopedia of Globalization. First Edition*, Ed. George Ritzer, Malden, MA and Oxford: Blackwell Publishing Ltd, pp. 2239–2240.

Conley, J. (2021), *500 Richest People Added \$1.8 Trillion to Combined Wealth in 2020*, [online], available at: <https://portside.org/2021-01-02/500-richest-people-added-18-trillion-combined-wealth-2020> (accessed 23 February 2021).

Digital inclusion for a better EU society (2021), [online], available at: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/digital-inclusion> (accessed 17 June 2021).

Ferris, S. (2020), *The Nexus: “COVID-19, Gig Economy or Expendable Employees”*, [online], available at: <https://journal-neo.org/2020/12/11/the-nexus-covid-19-gig-economy-or-expendable-employees/> (accessed 15 December 2020).

Ghosh, J. (2021), *Employment in the Platform Age*, [online], available at: <https://www.project-syndicate.org/commentary/digital-work-platforms-growth-and-risks-to-workers-by-jayati-ghosh-2021-04> (accessed 17 April 2021).

Gurley, L.K. (2021), *Injury Data Shows Amazon Jobs Are More Dangerous Than Walmart and UPS*, [online], available at: <https://www.vice.com/en/article/epnvpn/injury-data-shows-amazon-jobs-are-more-dangerous-than-walmart-and-ups> (accessed 1 June 2021).

Hedges, C. (2021), *Dying for an iPhone*, [online], available at: http://www.informationclearinghouse.info/565_62.htm (accessed 8 May 2021).

Internet Users in the World – 2020 Q3, (2021), [online], available at: <https://www.internetworldstats.com/stats.htm> (accessed 2 May 2021).

Kalleberg, A. L., Reskin, B. F., Hudson, K. (2000), Bad jobs in America: Standard and nonstandard employment relations and job quality in the United States, *American Sociological Review*, vol. 65, No. 2, pp. 256–278.

Kranzberg, M. (1995), Technology and History: “Kranzberg’s Laws”, *Bulletin of Science Technology & Society*, vol. 15, no. 1, pp. 5–13.

Lillevik, W. (2009), Flexibility, *Encyclopedia of Business in Today’s World*, Charles Wankel, General Editor, AGE Publications, Ink., Thousand Oaks, California, pp. 682–684.

Lupton, D. (2012), *Digital Sociology: An Introduction*, University of Sydney, Sydney, 16 p.

Nolan, H. (2020), *The Failure to Unionize the Tech Industry Will Eat the Labor Movement Alive*, [online], available at: <https://inthesetimes.com/article/union-tech-industry-labor-2020> (accessed 29 August 2020).

Ongweso, E. (2021), *New Study Finds Chicago Uber and Lyft Drivers Are Paid Below Minimum*

Wage, [online], available at: <https://www.vice.com/en/article/g5bmjw/new-study-finds-chicago-uber-and-lyft-drivers-are-paid-below-minimum-wage> (accessed 25 January 2021).

Schiller, D. (1999), *Digital Capitalism: Networking the Global Market System*, Mass.: The MIT Press, Cambridge, XVII+294 p.

Spreitzer, G.M. (2017), Alternative Work Arrangements: Two Images of the New World of Work, *Annual Review of Organizational Psychology and Organizational Behavior*, no. 4, pp. 473–499, DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-orgpsych-032516-113332>.

Steger, M.B. (2013), *Globalization: A Very Short Introduction*, Oxford University Press, Oxford, XXII+151 p.

Techlash? America's Growing Concern With Major Technology Companies (2020), [online], available at: <https://knightfoundation.org/reports/techlash-america-grows-concern-with-major-technology-companies/> (accessed 19 March 2020).

Unequal America: Ten insights on the state of economic opportunity (2021), [online], available at: <https://www.mckinsey.com/about-us/covid-response-center/covid-19-impact/impact-on-economies/unequal-america-ten-insights-on-the-state-of-economic-opportunity> (accessed 26 May 2021).

Wealth gap grows as rising corporate profits boost stock holdings controlled by richest households (2020), [online], available at: <https://www.cnbc.com/2020/08/27/wealth-gap-grows-as-rising-corporate-profits-boost-stock-holdings-controlled-by-richest-households.html> (accessed 26 May 2021).

References

Arseenko, A.G. (2021), *The Modern Crisis of Global Capitalism*, LLC “Publishing House Businesspolygraph”, Kiev, Ukraine.

Arseenko, A.G., Butkalyuk, V. (2019), The Reforms Under Aegis of the IMF in the Ukraine: Timeo Danaos Et Dona Ferentes, *Social Science: theory, methods, marketing*, no. 2, pp. 169–186.

Anthony, E.B. (2018), *Inequality: What Can Be Done?*, Ed. M. Dobryakova, Publishing House “Delo” RANEPА, Moscow, Russia.

Gartman, D. (2015), Postmodernism or the Cultural Logic of Post-Fordism?, *Post-Fordism: Conceptions, Institutions, Practices*, Ed. M. Ilchenko, V. Martyanov, ROSSPEN Publishing, Moscow, Russia, pp. 18–51.

Gamble, A. (2018), *Crisis without End? The Unravelling of Western Prosperity*, Ed. J. Okhonko, HSE Publishing House, Moscow, Russia.

Crouch, C. (2016), *Making Capitalism Fit for the Society*, Ed. A. Smirnova, HSE Publishing House, Moscow, Russia.

Crouch, C. (2020), *Will the Gig Economy Prevail?*, Ed. S. Shchukina, HSE Publishing House, Moscow, Russia.

May, Ch. (2004), *The Information Society: A Skeptical View*, “K.I.C.”, Kiev, Ukraine.

Parenti, M. (2021), *Left-Wing Communism* [online], available at: <http://www.left.ru/2002/leto/parenti.html> (accessed 5 May 2021).

Ross, A. (2017), *Industries of the Future*, Nash Format, Kiev, Ukraine.

Srnicek, N., Williams, A. (2019), *Inventing the Future: Postcapitalism and a World without Work*, Strelka Press, Moscow, Russia.

Stiglitz, J. (2020), *People, Power, and Profits: Progressive Capitalism for an Age of Discontent*, Alpina Publisher, Moscow, Russia.

Therborn, G. (2021), *From Marxism to Post-Marxism?*, Ed. A. Pavlova, HSE Publishing House, Moscow, Russia.

Schwab, K. (2019), *The Fourth Industrial Revolution. Shaping the Fourth Industrial Revolution*, Family Leisure Club, Kharkiv, Ukraine.

Watson, R. (2020), *Digital Vs Human: How We'll Live, Love, and Think in the Future?*, Fors Ukraine, Kiev, Ukraine.

Fukuyama, F. (2004), *The End of History and the Last Man*, LLC “AST” ZAO RPE “Ermak”, Moscow, Russia.

Alderson, A.S. (2011), Deindustrialization, *International Encyclopedia of Economic Sociology*, Eds. J. Beckert, M. Zafirovski, L.; N.Y., Routledge, pp. 138–140.

Kallas, P. (2021), *Top 15 Most Popular Social Networking Sites and Apps*, [online], available at: <https://www.dreamgrow.com/top-15-most-popular-social-networking-sites/> (accessed 22 feb 2021).

Kucher, K., Martins, R.M., Paradis, C. et al. (2020), StanceVis Prime: visual analysis of sentiment and stance in social media texts, *Journal of Visualization*, vol. 23, pp. 1015–1034, DOI: <https://doi.org/10.1007/s12650-020-00684-5>.

Bérastégui, P. (2021), *Gig workers: guinea pigs of the new world of work*, [online], available at: <https://www.socialeurope.eu/gig-workers-guinea-pigs-of-the-new-world-of-work> (accessed 26 February 2021).

Castelein, T.L. (2012), Precarity, *The Wiley-Blackwell Encyclopedia of Globalization. First Edition*, Ed. George Ritzer, Malden, MA and Oxford: Blackwell Publishing Ltd, pp. 2239–2240.

Conley, J. (2021), *500 Richest People Added \$1.8 Trillion to Combined Wealth in 2020*, [online], available at: <https://portside.org/2021-01-02/500-richest-people-added-18-trillion-combined-wealth-2020> (accessed 23 February 2021).

Digital inclusion for a better EU society (2021), [online], available at: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/digital-inclusion> (accessed 17 June 2021).

Ferris, S. (2020), *The Nexus: “COVID-19, Gig Economy or Expendable Employees”*, [online], available at: <https://journal-neo.org/2020/12/11/the-nex>

us-covid-19-gig-economy-or-expendable-employees/ (accessed 15 December 2020).

Ghosh, J. (2021), *Employment in the Platform Age*, [online], available at: <https://www.project-syndicate.org/commentary/digital-work-platforms-growth-and-risks-to-workers-by-jayati-ghosh-2021-04> (accessed 17 April 2021).

Gurley, L.K. (2021), *Injury Data Shows Amazon Jobs Are More Dangerous Than Walmart and UPS*, [online], available at: <https://www.vice.com/en/article/epnvpn/injury-data-shows-amazon-jobs-are-more-dangerous-than-walmart-and-ups> (accessed 1 June 2021).

Hedges, C. (2021), *Dying for an iPhone*, [online], available at: <http://www.informationclearinghouse.info/56562.htm> (accessed 8 May 2021).

Internet Users in the World – 2020 Q3, (2021), [online], available at: <https://www.internetworldstats.com/stats.htm> (accessed 2 May 2021).

Kalleberg, A. L., Reskin, B. F., Hudson, K. (2000), Bad jobs in America: Standard and nonstandard employment relations and job quality in the United States, *American Sociological Review*, vol. 65, No. 2, pp. 256–278.

Kranzberg, M. (1995), Technology and History: “Kranzberg’s Laws”, *Bulletin of Science Technology & Society*, vol. 15, no. 1, pp. 5–13.

Lillevik, W. (2009), Flexibility, *Encyclopedia of Business in Today’s World*, Charles Wankel, General Editor, AGE Publications, Ink., Thousand Oaks, California, pp. 682–684.

Lupton, D. (2012), *Digital Sociology: An Introduction*, University of Sydney, Sydney, 16 p.

Nolan, H. (2020), *The Failure to Unionize the Tech Industry Will Eat the Labor Movement Alive*, [online], available at: <https://inthesetimes.com/article/union-tech-industry-labor-2020> (accessed 29 August 2020).

Ongweso, E. (2021), *New Study Finds Chicago Uber and Lyft Drivers Are Paid Below Minimum Wage*, [online], available at: <https://www.vice.com/en/article/g5bmjw/new-study-finds-chicago-uber-and-lyft-drivers-are-paid-below-minimum-wage> (accessed 25 January 2021).

Schiller, D. (1999), *Digital Capitalism: Networking the Global Market System*, Mass.: The MIT Press, Cambridge, XVII+294 p.

Spreitzer, G.M. (2017), Alternative Work Arrangements: Two Images of the New World of Work, *Annual Review of Organizational Psychology and Organizational Behavior*, no. 4, pp. 473–499, DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-orgpsych-032516-113332>.

Steger, M.B. (2013), *Globalization: A Very Short Introduction*, Oxford University Press, Oxford, XXII+151 p.

Techlash? America’s Growing Concern With Major Technology Companies (2020), [online], available at: <https://knightfoundation.org/reports/techlash-america-growing-concern-with-major-technology-companies/> (accessed 19 March 2020).

Unequal America: Ten insights on the state of economic opportunity (2021), [online], available at: <https://www.mckinsey.com/about-us/covid-response-center/covid-19-impact/impact-on-economies/unequal-america-ten-insights-on-the-state-of-economic-opportunity> (accessed 26 May 2021).

Wealth gap grows as rising corporate profits boost stock holdings controlled by richest households (2020), [online], available at: <https://www.cnn.com/2020/08/27/wealth-gap-grows-as-rising-corporate-profits-boost-stock-holdings-controlled-by-richest-households.html> (accessed 26 May 2021).

Submitted: 19.04.2021

Revised: 14.06.2021

Accepted: 25.06.2021